

Коваленко К. В.

**РАБОТА НАД ОШИБКАМИ НЕМЕЦКОЙ ВЕРСИИ ПЕРЕВОДА РАССКАЗА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА
"ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА"**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/25.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 60-65. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

цепта в сопоставляемых культурах обратимся к результатам ассоциативного анализа. Так по данным Русского ассоциативного словаря и The Edinburg Word Association Thesaurus наиболее частотной реакцией на стимул «взятка» в обоих языках является реакция «деньги» (4 из 27 в русском языке и 37 из 99 в английском языке). Однако вторым по числу реакций в русском языке оказался ответ «большая / большие деньги» (4). В английском сознании, как показывают данные, взятка ассоциируется вслед за деньгами с коррупцией (16). Отличаемся мы и по объекту взятки: у англичан в этом случае прежде всего возникают ассоциации со взяткой полицейским (3), у русских - начальнику, директору, боссу (3). Сопоставительный анализ ассоциативного материала позволяет выделить также группы ассоциатов, уникальных для каждой культуры: так согласно результатам Русского ассоциативного словаря у русских взятка ассоциируется с определенным этапом исторического развития (годы застоя), из ответов англичан явствует, что взятка для них, прежде всего, нечестное поведение (7) и преступление (3) (в ответов русских участников подобные реакции отсутствовали).

Список использованной литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в 2-х т. СПб.: Авангард, 1990.
2. Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2000.
3. Sutcliffe Thomas. A Bung Here, a Bite There: It Always Means Money: glossary [Электронный ресурс]. URL: www.independent.co.uk

Список использованных словарей

1. Большой экономический словарь / А. Б. Борисов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Книжный мир, 2008. С. 104.
2. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: www.thesaurus.ru/dict/dict.php
3. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Владимир Даль. М.: Рус. яз., 2000. Т. 3. С. 349.
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman House, Burnt Hill, Harlow, Essex, Longman Group UK LMT, 1992.
5. New Collegiate Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.dic.academic.ru/searchall.php
6. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: www.en.wikipedia.org/wiki
7. The Edinburg Word Association Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: www.eat.rl.ac.uk

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ НЕМЕЦКОЙ ВЕРСИИ ПЕРЕВОДА РАССКАЗА

А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»

Коваленко К. В.

Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского

Важной составляющей художественной речи, вызывающей большие сложности при переводе, являются те речевые факты оригинала, к которым относится словотворчество, релевантной частью которого стали индивидуальные авторские новообразования (окказионализмы). Наряду со своим основным лексическим значением они содержат в себе сопутствующие коннотации, передающие высказывания автора или его персонажей. Это свойство окказиональной лексики позволяет ей выступать в роли выразительного экспрессивного средства.

Ещё Г. Пауль заметил, что «разница между узуальным и окказиональным значениями становится особенно ощутимой при переводе с одного языка на другой... Целью перевода является передача максимально точного соответствия окказиональных значений слов и словосочетаний» [9, с. 103]. Мысли Пауля о переводе созвучны с основополагающим тезисом о полном переводе А. В. Фёдорова: «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и функционально-стилистическое соответствие ему» [12, с. 127]. Далее Фёдоров говорит о том, что полноценный перевод заключается «в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путём воспроизведения особенностей (если это возможно по языковым условиям или создания функциональных соответствий этим особенностям)» [Там же].

Тезис Фёдорова заставляет нас внимательнее взглянуть на диалектически взаимосвязанные стороны окказионального слова - на материальную, т.е. словоформу и идеальную - на его значение. Эр. Ханпира справедливо считает, что источником экспрессии окказионализма является «деформация его языковой нормы, всякая актуализация (деавтоматизация), порождающая экспрессию» [13, с. 256]. «Экспрессивность окказионализма прямо пропорциональна его окказиональности» [Там же]. Окказионализм не просто представляет собой нарушение нормы. Это нарушение функционально обусловлено, оно создаётся специально и по случаю. Окказионализм в силу этого свойства привлекает к себе внимание читателя, реализуя процесс «деавтоматизации». Создание окказионального слова - это творческий акт. Логично предположить, что перевод такого слова должен также стать предметом словотворчества, но уже в ПЯ. Здесь возникает та ситуация, о которой пишет В. С. Виноградов: «даже воспринимая окказиональное слово как таковое, многие переводчики не решаются заняться словотворчеством и прибегают к более или менее удачным описательным эквивалентам» [2, с. 126]. Признавая верность позиции Виноградова, мы хотели бы отметить, что занимаясь проблемой стилистически маркированной окказиональной лексики языка произведений Солженицына, мы столкнулись с самыми различными способами переводчиков избежать перевода окказионализма, обойти его, не заметить, словно его вообще не существовало в ИЯ. К сожалению, такая практика принимает характер не

просто безобидных уловок, а превращается в своеобразную систему гильдии переводчиков...

Мы думаем, что есть ряд возможностей освободиться от этой порочной практики. На одну из таких возможностей указывает А. Б. Бушуев, придающий большое внимание и значение глубокому и подробному предпереводческому анализу художественного текста: «сбору сведений о тексте; определению жанра, эпохи, типа текста, лексико-синтаксическим особенностям; кем порожден и для кого предназначен ... не содержит профессионализмов, жаргона, профессионального просторечия; преобладания информативности (когнитивности), эмоциональности, эстетической составляющей» [1, с. 68-69].

Справедливости ради отметим, что переводчики М. Хойвард и Р. Хингли составили свои «Примечания к тексту» [15, с. 9-11], включающие всего 15 слов, в основном - это реалии советской действительности первых послевоенных десятилетий. Эта работа проведена ими поверхностно и изобилует ошибками, вводящими немецкого читателя в заблуждение. В «Примечаниях» приводится объяснение общепонятных слов: бригада, бригадир, вольнонаёмные рабочие, Западная Украина, старообрядцы. Вторую часть составляют политические реалии, которые толкуются упрощённо: спецлагерь, 58-я статья УК, дело Кирова. Третья часть содержит лингвистические объяснения. Поверхностное знакомство с текстом и его историческими реалиями порождает грубые ошибки. Заключённые по 58-ой статье УК были людьми грамотными, талантливыми, преуспевшими во многих областях знания. Они вполне могли заниматься словотворчеством. Возьмём, к примеру, окказионализм *стакановец*. Стахановец → стакановец - это остроумная игра со словом. Переводчики значение окказионализма *стакановец* толкуют как *сын пьяницы (!?)* [15, с. 10]. Здесь же даётся и объяснение говорящего имени Волковой - начальник охраны лагеря особого назначения, уже в фамилии которого заложены основные черты его характера - жестокость, злоба, стремление учинить над заключённым расправу за любую, самую незначительную провинность. Толкование на этот раз верное, но давать его, как показала практика, для читателя удобней в постраничных сносках в виде примечаний или комментария переводчика.

Сохранение индивидуального своеобразия подлинника начинается в переводе с правильного обозначения типа текста. «Один день Ивана Денисовича» - малоформатное произведение, принадлежащее стилю художественной литературы и роду эпики. Путаница с обозначением жанровой формы произведения началась ещё на родине писателя с первой публикации рассказа в «Новом мире», когда рассказ весомости ради назвали повестью. Так как в немецком языке такого типа текста не существует, а также из соображений коммерции этот рассказ для немецкого читателя стал романом, хотя сюжетная структура произведения этому никак не соответствует.

Дабы оградить себя от нареканий издатель вначале немецкого текста публикует «Замечания *английских* переводчиков». Заметим, что это, пожалуй, единственный известный нам случай в переводческой практике. Мы процитируем в собственном переводе основную его часть: «Роман Солженицына ставит переводчика перед особыми проблемами. Не только отрывки из диалогов, но и повествовательная часть представляют собой смешение концлагерного жаргона и языка русского крестьянина. Переводчики попытались передать хотя бы часть этой окраски... Другая трудность заключалась в частом употреблении русских непристойностей, которые до сих пор не появлялись в Советском союзе в печатном виде...» [15, с. 12] (перевод наш, К.К.).

По всей вероятности, переводчики не достаточно вникли в индивидуальный стиль языка Солженицына, насыщенный окказионализмами, а также лексикой языкового потенциала: словами из словаря В. И. Даля, диалектизмами, архаизмами, просторечием. Не смогли они разобраться в сложной стилистической организации рассказа, хотя к этому времени уже была опубликована статья Т. Г. Винокур, в которой она расставила все точки над «i», сделала это глубоко, исключительно профессионально, подробно, что, как нам кажется, увеличило число поклонников рассказа. О сложности языково-стилистической задачи Солженицына Винокур писала: «Слив воедино образ автора и героя, он был обязан создать совершенно отчётливо очерченную речевую маску, которая соединила бы в себе: 1) индивидуальные особенности речи героя в соответствии с его характером, 2) более широкие приметы его родного тегменёвского говора (а вернее - общие черты диалектно-просторечного 'говорения', характерные для современного крестьянина) и 3) речевой колорит среды, окружающей его в заключении» [3, с. 16-17]. Мы думаем, что Винокур подробно и полно объяснила специфику лингвистической организации рассказа. Что же касается «русских непристойностей», то этот упрёк следовало бы снять за отсутствием хотя бы одного подобного речевого факта.

Цель статьи - показать, в какой степени переводчикам рассказа удался перевод окказиональной лексики. Рассказ, объёмом 114 страниц оригинального и 190 переводного текста, насчитывает по нашей картотеке 204 окказиональных слова. В целях более точного сопоставительного анализа оригинала и перевода мы методом сплошной выборки произвели отделение окказионализмов, но не в парадигматике, а в 193 завершённых микротекстах, взятых параллельно в двух версиях: оригинальной и переводной. В некоторых микротекстах употреблено по два, а порой и по три окказиональных слова. В среднем на одну страницу оригинала приходится по два окказиональных слова.

Основным методом анализа является метод переводческого сопоставления оригинала и одного текста перевода с целью выявления степени адекватности последнего. Мы также использовали метод компонентного анализа лексики, ибо без него в парадигме трудно установить меру точности перевода слова.

1. Адекватный перевод окказиональной лексики

Окказиональной лексике в силу её экспрессивно-характеристической функции уделяется при переводе

повышенное внимание. Виноградов пишет, что “характеристическая функция таких слов раскрывается в их внутренней форме, которая всегда семантически значима” [2, с. 129]. Здесь же он подчёркивает, что “значение индивидуально-авторских неологизмов формируют их внутренняя форма и контекст. Двойственная природа значения окказионального слова позволяет переводчику калькировать авторские неологизмы, соотносясь с требованиями контекста” [Там же].

(1) *В лагере кто подыхает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется, да кто к куму ходит стучать* [10, с. 11].

Zuerst kratzen die ab, die die Fressnäpfe auslecken, die aufs Krankenrevier rechnen oder die einen verpfeifen [15, S. 18].

Перевод микротекста максимально приближен к высокому уровню адекватности. В оригинальном предложении употреблены три окказионализма: *подыхать*, *стучать*, *кум*. *Подыхать* по Далю означает: “дышать несколько, немного” [4, III, с. 220]. Солженицын добавляет к значению глагола новый элемент - *умирать* и использует этот глагол в новом контексте. Глагол *стучать* означает доносить. Оба первых глагола переданы точно. Трудность переводчикам доставило существительное *кум*, которое они просто опустили. Это слово важное для всего контекста. Слово *кум* принадлежит к лагерному или тюремному жаргону. Л. Л. Нелюбин определяет жаргон как “своеобразную условную разговорную речь, применяемую отдельной социальной группой с целью языкового обособления” [7, с. 54]. Если бы переводчики добросовестно провели предпереводческую работу, они бы заметили, что в некоторых своих книгах автор даёт небольшой, но ёмкий список специальных слов. В конце оригинального текста рассказа дано подробное толкование слова *кум* - “чекист, следящий за настроениями эков, ведающий осведомительством и следственными делами, (вероятно, от истинного значения по-русски ‘кум’ - состоящий в духовном родстве)” [10, с. 124]. Слово *кум* можно считать окказиональным только в определённом контексте, где задействована его окказиональная сема - глава ведомства доносительства. Узуальное значение этого существительного приводит С. И. Ожегов: “Кум - крёстный отец по отношению к родителям крестника и к крёстной матери” [8, с. 286]. Следовательно, слово *кум* в контексте лагерного жаргона можно было перевести методом сращения - *der Lagerpate*.

(2) *... поле голое - в увалах снежных...* [10, с. 12].

Leeres schneeverwehtes Feld... [15, S. 19].

Данный перевод можно считать образцом адекватного перевода.

(3) *В продстоле передёрнули, гады* [10, с. 13].

Die Hunde haben mich bei der Verpflegungsausgabe schön drangekriegt... [15, S. 21].

Адекватный перевод, выполненный с помощью соответствующей лексической замены. В. Н. Комиссаров определяет лексико-семантическую замену как способ “перевода лексических единиц оригинала путём использования в переводе единиц ПЯ, значения которых не совпадают со значениями исходных единиц, но могут быть выведены из них с помощью логических преобразований” [5, с. 247]. В данном случае имя существительное *продстол* заменено более широким по значению *раздачей продовольственного обеспечения*.

(4) *... в сорок третьем году, когда он доходил, ... истощенный желудок ничего принимать не хотел* [10, с. 17].

“... es ginge zu Ende mit ihm... der Magen so kaputt, dass er nichts bei sich behalten konnte [15, S. 28].

Глагол *доходить* - это слово из словаря Даля, где оно означает “ходить или идти до чего, достигать идучи или вообще подвигаясь” [4, I, с. 485]. В далевском толковании мы отмечаем два компонента значения: 1) идти пешком, 2) достигать цели. К ним Солженицын добавляет свой элемент значения - *достигать предельной меры истощения или болезни*. Именно в этом значении глагол *доходить* помещён в новый, современный контекст. Такие авторские лексические новообразования мы называем семантическими окказионализмами. Адекватность перевода достигается способом лексической замены.

(5) *... вечером баланда всегда жиже много, чем утром...* [10, с. 104].

Die Patpe war abends immer dünner als am Morgen [15, S. 162].

Образец антонимического перевода.

(6) *После двух мисок каши закурить хотелось Шухову горше смерти* [10, с. 162].

Nach den zwei Schüsseln Brei wollte Schuchow gern eine rauchen [15, S. 101].

Это тоже пример антонимического перевода, под которым Л. Л. Нелюбин понимает “замену какого-либо понятия противоположным понятием [7, с. 21]. Выражение *горше смерти* заменено на антоним - имя прилагательное *охотно*.

Вот ещё один пример антонимического перевода окказиональной лексики.

(7) *Б-219, жердь кривая, бельмом уставился в окошко, доглядывает и сейчас, не прут ли его дома сборные. Толь-то проахал, дядя* [10, с. 62].

В 219, Schkuropatenko. Er sah aus wie eine krumme Bohnenstange. Er starrte durchs Fenster und passte auf, dass niemand seine kostbaren Fertigteile klaute. Mann hatte ja bei der Geschichte mit der Dachpappe gesehen, wie genau er aufpasste, der dämliche Hund [15, S. 96].

Адекватность перевода окказиональных антонимов достигается эквивалентами узуса: *доглядать* - *проахать* = *aufpassen* - *wie aufpassen*. Переводчики совмещают антонимическое переложение этого микротекста с заменой окказионализмов в ИЯ на узуальную лексику в ПЯ.

Л. К. Латышев определяет транслитерацию как “заимствование иностранного слова, которое затем на письме изображается буквами переводного языка, а в устной речи произносится соответственно правилам

произношения этого языка” [6, с. 43].

(8) *Эстонцев двоих да Клевшина с Гопчиком послал большой растворный ящик неподалёку взять* [10, с. 43].

Die zwei Esten, Kljowschin und Gopschik schickte er los, den großen Zementmischer herzuholen [15, S. 67].

Междометие гоп, от которого образовано имя Гопчик, у Даля выражает “прыжек или удар; П мжд. стук, шлёп... гопать, прыгать, скакать, сигать” [4, I, с. 375]. Общая сема - быстрота и ловкость действия. Гопчик - говорящее имя, самый молодой заключённый, который всё делал быстро, ловко, умело, успешно. Это же значение даёт и словарь Ожегова: “гоп, межд. Поощрительный возглас при прыжке. Не говори г., пока не перепрыгнешь (посл.)” [8, с. 119]. Солженицын на основе этого междометия создает лексический окказионализм - говорящее имя персонажа. Слова, которые созданы самим автором, мы именуем лексическими окказионализмами. В имени Гопчик доминируют три семы: быстрота, ловкость и поощрение, русское междометие гоп, гоп, но в немецком языке, как указывает словарь der Sprachbrockhaus, оно выглядит как *horpe, erfreulich horp|h, el, hurra los!*” [14, S. 298]. Значит в ПЯ имя Гопчик следовало бы передавать как *Horptschick*, только тогда оно будет отражать все семантические компоненты, заложенные автором в это говорящее имя, станет полностью понятным немецкому читателю.

Сопоставительный анализ перевода на лексическом, семантическом и стилистическом уровнях показал, что для достижения полноценного адекватного перевода рассказа переводчики использовали антонимический перевод, транслитерацию, соответствия - аналоги, соответствия - лексические замены. Адекватный перевод составил 76 окказиональных лексических единиц, что составляет всего 38% от общего числа окказионализмов в тексте рассказа.

2. Описательный перевод

На втором месте находится приём описательного перевода, к которому, по словам Нелюбина, переводчики прибегают в тех случаях, “если в языке перевода нет соответствующих номинаций или она не известна переводчику” [7, с. 129], например:

(9) *Эй, фитили! - и запустил в них валенком. - Помирю!* [10, с. 13].

He, ihr blöden Hunde! - und er schmiss einen Stiefel nach ihnen - Haltet die Fresse! [15, S. 20].

Имя существительное фитиль - это далевское слово, “рыхло свитая веревка, слегка налитанная чем-либо горячим, чтобы она горела медленно, но хорошо держала огонь” [4, IV, с. 535]. Солженицын переносит существительное фитиль(и) на людей. Возникает семантический окказионализм в форме антропоморфной метафоры. Мы предполагаем, что для переноса у автора были две причины: видимо, спорщики были высокого роста и спорили горячо, вспыхнули подобно фитилю. Существительное *фитили* переведено - вот болваны! Надо признать, что этот описательный перевод довольно точно передает атмосферу речевой ситуации и саму перебранку её участников.

(10) *Светили фонари зоны, ... так много их было натыкано, что они засветляли звезды* [10, с. 14].

Die Lichter der Außenzone waren voll eingeschaltet ... es waren so viele, dass sie die Sterne verblassen ließen [15, S. 23].

В этом предложении использован описательный приём, а также антонимический перевод. Окказиональный глагол *натыкать* содержит в себе сему множественности, поэтому следует признать правомерным его перевод узואльным выражением: их было столь много. Глагольное словосочетание *засветлять звезды* переведено антонимически - *звезды туснели*.

(11) *... им холодно не так от мороза, как от думки, что и день целый на этом морозе пробыть...* [10, с. 15].

Alle froren sie - nicht so sehr wegen des bitterkalten Wetters, sondern weil sie wussten, dass sie nun den ganzen langen Tag draußen sein mussten [15, S. 23].

В этом примере существительное *думка* описательно передано глаголом родственной тематической группы *знать*. Возник своего рода перенос с результата на процесс действия.

(12) *... мимо другого столба, где в затишке, чтоб не показывал слишком низко, весь обметанный инеем, висел термометр* [10, с. 15].

... an einem anderen Pfahl vorüber, an dem - an einem geschützten Fleck, damit die Temperaturangaben nicht zu niedrig würden - das Thermometer saß [15, S. 23].

Окказионализм *затишек* точно передан описательным способом лексикой узуса.

Приведенные примеры описательного перевода показывают, что, как правило, в описательном переводе задействована лексика узуса. В переводе рассказа описательный перевод использован пятьдесят раз, что составляет 25% от общего числа окказионализмов. Однако лексика узуса доносит до читателя общий смысл речевой ситуации, оставляя за пределами художественного текста те коннотации, смысловые оттенки, которые несёт в себе окказиональное слово. Даже если суммировать случаи полноценного адекватного перевода, то показатель составит всего 63%, что свидетельствует об общем низком уровне перевода рассказа.

3. Замены окказионализмов лексикой узуса

Мы априори предполагали, что самой распространенной уловкой (ошибкой) - 30 случаев или 15%, станет замена исходного окказионального слова узואльной лексикой ПЯ. Переводчики быстро и без труда находят верные узואльные эквиваленты окказиональным словам, что свидетельствует о сознательных заменах, т.е. переводчики целенаправленно идут на обеднение своего конечного творческого продукта.

(13) *...хотят их 104-ю бригаду фугануть со строительства мастерских на новый объект...* [10, с. 12].

... dass ihre Brigade - 104. mit dem Werkstättenbau aufhören und zu einer neuen Arbeit eingesetzt werden sollte [15, S. 19].

Глагол фуговать в объяснении Даля означает “столярн. пригонять и склеивать две доски на ребро плотно, чисто” [4, IV, с. 539]. Словарь М. Фасмера, отметив, что русское слово рубанок произошло от нижненемецкого Raubank. Он объясняет слово фуганок как “длинный рубанок для сглаживания неровностей” [11, 3, с. 510]. Солженицын переносит значение глагола фуговать из сферы столярных мастеровых в контекст лагерного быта. Общая сема - движение, которое совершает столяр, работая фуганком, крепко прижав инструмент к обрабатываемой поверхности, твёрдо и уверенно протягивает его, снимая стружку. Это окказиональное словосочетание богаче и ярче, нежели узуальное выражение - *предоставить новое место работы*. Словосочетание *фугануть бригаду* означает: сделать это быстро, неожиданно, грубо, одним движением, не спрашивая желания самих рабочих - лагерных заключённых.

(14) *Трое суток кондея с выводом!* [10, с. 13].

Drei Tage Bau-Arbeit die übliche! [15, S. 21].

В данном микротексте в переводе опущено жаргонное существительное *кондей*. Солженицын обозначает его как “блатное” и объясняет: “*карцер*. Без вывода содержат в тюрьме. С выводом только ночь в карцере, а днём выводят на работу” [10, с. 123]. Перевод адекватным признать нельзя не только из-за того, что в ПЯ опущено существительное *кондей*, но и потому, что перевод сбивает читателя с толку. Вот обратный перевод: “... три дня обычной работы”. Из объяснения Солженицына следует, что в ПЯ отсутствует следующий объём информации: наказание за провинность - помещение в *карцер (кондей)* на ночь, затем обычная работа днём. Этот информативный объём может быть расширен за счёт отрицательных коннотаций. Словарь Ожегова слово *карцер* толкует так: “*карцер* - помещение для временного одиночного заключения лиц, провинившихся в чём-н. (напр. в тюрьмах, учебных заведениях до революции)” [8, с. 231].

4. Опускание окказионализмов в переводе

Довольно распространённой ошибкой, наносящей урон переводу, является опущение окказионализмов. При проведении сравнения оригинала и перевода нами выявлено опущение следующей части окказионального словаря рассказа: *натывать, отстать от креста, грев, угрев, красиль, напрожог, косить миски, закосить что-либо, отвёрстанный срок, несчастный, оттрагивать (кашу), деревянный бушлат, загнать в бушлат деревянный*. Всего установлено 15 случаев опускания при переводе окказиональных слов, словосочетаний, выражений, что составляет немногим более 7% от всего окказионального словаря рассказа.

5. Несоответствие окказионализмов при переводе на семном уровне

Примерно такое же количество составляет несоответствие окказионализмов переводной лексики на семном уровне. Эта ошибка наблюдается в ПЯ в словах ИЯ: *лагерный волк, отходить маленько, угреваться, яро топилась печь, обогривалка, дозорщик, гинуть, гахнуть, затурнуть, спотычливо, шестерить, шестёрка, выголодать, юрить...*

6. Искажение смысла в ПЯ

К профессиональной чести переводчиков следует отметить, что в тексте ПЯ мы обнаружили всего две ошибки, влекущие за собой искажение авторского смысла. Это составляет всего один процент.

(15) *И помощник Хромого, шестёрка, тоже за посох схватился...* [10, с. 100].

Seine sechs Helfer fasten mit an und halfen ihm stoßen [15, S. 156].

В списке лагерных жаргонных слов имя существительное *шестёрка* приводится, даётся также объяснение глагола шестерить: “услуживать лично кому-либо. Шестёрка - кто держится в услугах” [10, с. 124]. Непонимание значения этого жаргонного слова приводит к грубой смысловой ошибке. Это подтверждает обратный перевод: “Шесть (!) его помощников тоже включились в дело и стали помогать ему отталкивать (толпу)”. В немецком языке близким по значению русскому жаргонному слову шестёрка есть узуальное пособие, сообщник *Helfershelfer (m)*, которое можно перевести ещё точнее русским окказионализмом *услужник*.

(16) *Хорош табак, не обманул латыш - и дерунок, и духовит* [10, с. 116].

Der Tabak ist schon in Ordnung. Der Lette hat nicht geschwindelt. Das Zeug ist gerade so richtig, nicht zu stark, und riecht doch gut [15, S. 180].

Сложность и ошибку в переводе вызвало существительное *дерунок*. Это слово из далевского словаря: “дерунок, крупный на (под)-пилоч, в один приём” [4, I, с. 490]. Солженицын добавляет к далевским значениям своё, индивидуальное - дерунок - крепкий табак, продирающий горло. Существительное дерунок - это семантический окказионализм Солженицына. Переводчики не поняли его значения и перевели неверно. Вот обратный перевод: “Табак в порядке. Латыш не обманул. Вещь, что надо. Не крепкий и с хорошим запахом.”

Выводы проведенного исследования можно назвать неоднозначными и противоречивыми. Переводчики подтвердили переводимость окказионализмов, но задачу свою выполнили поверхностно и не до конца, о чём свидетельствует низкий процент переведённых слов от числа всего окказионального вокабуляра. Замена окказионализмов лексикой узуса влечёт за собой снижение уровня авторской экспрессии выражения во всех повествовательных формах. Опущение окказиональной лексики приводит к разрушению смыслового строя микротекстов. Это порождает изменение картины мира, задуманной и воплощённой автором рассказа в оригинальном тексте. Важную роль в произведении играют стилистические фигуры, например, “загнать в бушлат деревянный”, неадекватный перевод которых снижает общий уровень экспрессии рассказа. Как показал проведённый анализ, вред переводу наносят несоответствия на семном уровне, так как такие случаи

резко снижают общий уровень адекватности высказывания. Искажения смысла в ПЯ часто вызвано недостаточно глубоким уровнем предпереводческой подготовки, непониманием значения окказионального слова. По-прежнему пока остаётся значительной часть опущенной окказиональной лексики. Перевод окказиональной лексики в тексте рассказа подтвердил общую тенденцию пренебрежительного отношения к окказиональным фактам, нежелание или неспособность переводчиков участвовать в творческом процессе создания окказионализмов в ПЯ. Там, где это удаётся, используется в основном способ сращения слов ПЯ.

Список использованной литературы

1. Бушуев А. Б. Предпереводческий анализ текстов русской речи: идиолект как проблема понимания и переводимости // Русское слово в контексте культуры: материалы конференции / отв. ред. д-р пед. н., проф. Б. Г. Бобылёв. Орёл: ООО «Издательский дом «Орлик' и К»», 2008. 396 с.
2. Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы: учебное пособие. 3-е изд. М.: КДУ, 2006. 240 с.
3. Винокур Т. Г. О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Вопросы культуры речи. М.: Изд-во «Наука», 1965. Вып. 6. С. 16-32.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. I-IV.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
6. Латышев Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 2-е изд., стер. 192 с.
7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2003. 320 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
9. Пауль Г. Принципы истории языка / пер. с нем.; под ред. А. А. Холодовича. М.: Издательство «Иностранная литература», 1960. 500 с.
10. Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. М.: Изд-во «Эксмо», 2006. С. 11-124.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 3 (Муза-Сят). 832 с.
12. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 303 с.
13. Ханпира Эр. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М.: Наука, 1972. С. 245-317.
14. Der Sprach-Brockhaus: Deutsches Bildwörterbuch für jedermann. Sechste, verbesserte Auflage. Wiesbaden: Eberhard Brockhaus, 1953. 780 S.
15. Solschenizyn A. Ein Tag im Leben des Iwan Denissowitsch. Vollständige Taschenbuchausgabe. München: Th. Knauer Nachf., 1991. 190 S.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА

Коломейцева Е. М.

Тамбовский государственный технический университет

Классическая профессионально-ориентированная модель подготовки специалиста направлена на овладение необходимой суммой знаний, умений и навыков. Высшее образование должно давать не только базовые знания и необходимые трудовые навыки, но и умение воспринимать и осваивать новые знания, новые виды и формы трудовой деятельности, эстетические и культурные ценности. Это приводит к необходимости перехода к социально и культурно ориентированной модели, связанной с использованием внутренних возможностей человека, его способностей и опыта. Для создания такой модели необходима гуманитаризация образования, направленного на формирование человека с богатым духовным потенциалом. Тесная связь образования и культуры обуславливает необходимость развития социокультурного аспекта и формирования культуры мышления в содержании высшего технического образования.

Культура мышления формируется в результате усвоения общих нравственных и социальных принципов, придающих человеку новое качество, которое проявляется в способностях к позитивному социальному поведению во всех сферах жизни. Формирование культуры мышления позволяет человеку объективно осознавать свои способности ставить перед собой те цели, которые он действительно может осуществить. Культура мышления позволяет индивидууму не терять своей личности, быть способным к инициативе и творчеству.

Наиболее сложным моментом в формировании культуры является сам механизм его формирования. Здесь особое внимание следует сосредоточить на тщательно продуманной методике преподавания гуманитарных дисциплин в техническом высшем учебном заведении.

В преподавании иностранного языка необходимо избавиться от пассивного восприятия языка, ибо только активное целесообразное действие человека в себе и вокруг себя, одухотворение культурой мышления, позволяет обрести смысл в приобретении новых знаний: “Cultures are chiefly transmitted through spoken and written languages” (David Crystal).

В этой связи необходимо выделить несколько причин использования интереса студентов к культуре и